

DOI: 10.37791/2687-0657-2022-16-2-113-127

Пределы изучения экономических доказательств судами в антимонопольных делах: основания, стимулы, ограничения

А. Е. Шаститко^{1,2*}, К. В. Дозмаров³

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

² *Центр исследования конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия*

³ *Консалтинговая компания Kulik & Partners Law.Economics, Москва, Россия*
* *aes@ranepa.ru*

Аннотация. Экономическая судебная экспертиза является средством достижения лучшего баланса ошибок I и II рода в правоприменении, но сама по себе зависит от стимулов и возможностей судей оценить достаточность основания для ее назначения. Целью любой судебной экспертизы является получение судом для целей отправления правосудия специальных знаний и сведений о том или ином факте либо явлении, находящемся за пределами юридической науки. Именно антимонопольное законодательство и правоприменение наиболее ярко могут проиллюстрировать сплав юридической и экономической дисциплин, где правовые нормы обрамляют экономическую реальность, формируя процессуальный контур для суда. Суд, таким образом, становится восприимчивым стандартов экономической науки, ее подходов и правил. Вместе с тем показано, что в действительности суды сталкиваются со сложной дилеммой, с одной стороны, соблюдения процедурной чистоты и, с другой стороны, получения необходимых для улучшения баланса ошибок I и II рода экономических доказательств в части исследования рынка, определения положения на нем являющегося объектом правоприменения хозяйствующего субъекта, а также квалификации действий с применением релевантной теории вреда. Объяснено, что оценка экономических доказательств судами должна основываться на компетентной независимой экспертной оценке и исходить из категорий необходимости и достаточности. Обозначен набор несовершенных заменителей оценки судом экономических доказательств по существу. В статье предлагаются простые и практические подходы к исследованию судами экономических фактов и обстоятельств для вынесения корректного, полного и обоснованного решения по антимонопольному делу.

Ключевые слова: ошибки I и II рода в правоприменении, судебная экспертиза, экономический анализ, антимонопольное регулирование

Для цитирования: Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Пределы изучения экономических доказательств судами в антимонопольных делах: основания, стимулы, ограничения // Современная конкуренция. 2022. Т. 16. №2. С. 113–127. DOI: 10.37791/2687-0649-2022-16-2-113–127

The Limits of the Study of Economic Evidence by Courts in Antimonopoly Cases: Grounds, Incentives and Constraints

A. Shastitko^{1,2*}, K. Dozmarov³

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

²*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

³*Consulting Company Kulik & Partners Law.Economics, Moscow, Russia*

**aes@ranepa.ru*

Abstract. Economic forensic examination is a means of achieving a better balance of errors of the first and second kind in law enforcement, but in itself depends on the incentives and capabilities of judges to assess the sufficiency of the grounds for its appointment. The purpose of any forensic examination is to obtain by the court, for the purposes of the administration of justice, special knowledge and information about a particular fact or phenomenon that is beyond the limits of legal science. It is antimonopoly legislation and law enforcement that can most clearly illustrate the fusion of legal and economic disciplines, where legal norms frame economic reality, forming a procedural contour for the court. The Court thus becomes the receiver of the standards of economic science, its approaches and rules. At the same time, it is shown that in reality the courts are faced with a difficult dilemma, on the one hand, compliance with procedural purity and, on the other hand, obtaining the necessary to improve the balance of errors of the first and second kind of economic evidence in terms of market research, determining the position of the economic entity that is the object of law enforcement, as well as the qualification of actions with the use of relevant theory of harm. The assessment of economic evidence by the courts should be based on a competent independent expert assessment and proceed from the categories of necessity and sufficiency. A set of imperfect substitutes for the assessment by the court of economic evidence on the merits is indicated. The article offers simple and practical approaches to the investigation by courts of economic facts and circumstances in order to make a correct, complete and reasoned decision on the antimonopoly case.

Keywords: enforcement errors of I and II types, judicial examination, economic analysis, antimonopoly regulation

For citation: Shastitko A., Dozmarov K. The Limits of the Study of Economic Evidence by Courts in Antimonopoly Cases: Grounds, Incentives and Constraints. *Sovremennaya konkurentsya*—Journal of Modern Competition, 2022, vol.16, no.2, pp.113-127 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0649-2022-16-2-113-127

Введение

Применение норм антимонопольного законодательства, избыливающего оценочными нормами, требует специальных познаний в первую очередь в области экономической науки. С их помощью правоприменитель может аргументированно ответить на множество вопросов о рынке,

его участниках, их взаимодействии друг с другом и т. д.

Как правило, сначала решение об установлении факта нарушения требований антимонопольного законодательства принимает антимонопольный орган. Компания, которая оспаривает данное решение, в судебном процессе оказывается истцом, формируя свою правовую позицию на основе

экономических аргументов, помогающих установить юридически значимые факты. Важным подспорьем в формировании позиции суда является судебная экономическая экспертиза, влияющая на баланс ошибок I и II рода в правоприменении, эффекты которой подробно исследуются в экономическом анализе права [13, 21, 24]. Использование знаний, основанных на результатах развития экономической науки, способствуют повышению качества институциональной среды и тем самым формированию более благоприятных условий для конкуренции, нововведений и, как следствие, экономического развития [8].

Целью любой судебной экспертизы является получение судом для целей отправления правосудия специальных знаний и сведений о том или ином факте либо явлении, находящемся за пределами предмета юридической науки. Сущность же специальных экономических знаний эксперта и выбираемых им методов, которые применяются для решения поставленных задач, зависят от свойств исследуемых явлений и объектов. Предмет исследования в рамках экономической экспертизы – это процессы принятия индивидуальных и коллективных решений в условиях ограниченности ресурсов, допускающих альтернативные способы использования.

Данная статья посвящена осмыслению оснований, целей и возможностей судебной экономической экспертизы, особенностей использования ее методологического инструментария в антимонопольных делах через призму решения задачи поиска наилучшего баланса ошибок первого и второго рода¹.

¹ В данной работе мы исходим из идеи несовершенства институтов, в том числе и тех, которые направлены на защиту конкуренции. Отображением данного факта как раз и является допущение о ненулевой вероятности ошибок первого и второго рода – признания невиновного виновным, а виновного – невиновным. В данном случае мы упрощаем формулировки, хотя и осознаем, что практика безвиновной ответственности по закону – нормальное явление, которое имеет экономическое объяснение.

Объективная истина и пределы справедливости

Экономические исследования процессов правоприменения основаны на предположении, что любые юридически значимые действия сопряжены с издержками, распределение которых влияет на стимулы действующих лиц и на результаты правоприменения. Соответственно, лица, принимающие решения и преследующие собственные интересы (в том числе и судьи, что является базовым предположением экономической науки вообще), учитывают в своих решениях – в явном виде или имплицитно – факт такого рода издержек.

Объективная истина является основополагающим началом гражданского судопроизводства, в соответствии с которым суд должен создать условия для всестороннего и полного сбора и исследования доказательств и установления действительных обстоятельств дел [2]. При этом принцип объективной истины теоретически более обоснованно рассматривать именно как конечную цель гражданского судопроизводства, связанную с действительной необходимостью максимально более полного и всестороннего исследования всех обстоятельств конкретного дела [3]. К сожалению, в рамках этой дискуссии практически не слышно голоса экономистов, у которых свои стандарты установления истины, проверки тех или иных гипотез (предположений), оценки преодолемости презумпции невиновности применительно к конкретной ситуации, рассматриваемой правоприменителем.

В любом случае суд в рамках отправления правосудия должен рассмотреть дело по существу всех поставленных вопросов, с учетом всех обстоятельств и на основании представленных сторонами фактов. Полнота, непротиворечивость, доказательность – это те характеристики судебного акта, которые вытекают из основных критериев судопроизводства вообще:

законности, обоснованности и справедливости. Таким образом, законность судебного акта оказывается непосредственно связана с его обоснованностью и справедливостью. Вот почему не может являться законным судебный акт, вынесенный без учета обозначенных в рамках разбирательства фактических обстоятельств [6].

Вместе с тем решение суда должно быть максимально компетентным и обоснованным. Как этого достичь, если сам суд компетентен разрешать вопросы только относительно применения норм права, высшее экономическое образование с хорошей базой в области теории организации рынков – большая редкость, а рассматриваемые дела не настолько однородны, чтобы пользоваться результатами экспертизы по другому делу при вынесении судебного решения?²

Один из возможных вариантов решения проблемы – привлечение к участию в деле эксперта (лица, обладающего специальными знаниями), задачей которого является содействие судам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках конкретного дела, с помощью разрешения профессиональных вопросов, так же как и содержания экономических аргументов, содержащихся в позициях сторон процесса. Деятельность эксперта должна отвечать критериям независимости самого эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений на-

² Разумеется, в антимонопольном правоприменении встречается большое количество дел, в которых, строго говоря, не требуется серьезный экономический анализ, по крайней мере в части установления факта нарушения и нарушителя. Однако в них же главной проблемой оказывается не ограничение конкуренции, а эксплуатирующая практика одной из сторон отношений. В частности, это дела, известные как «проблема дачника» (подключение к ресурсоснабжающей коммунальной инфраструктуре). В данной статье речь скорее идет о крупных антимонопольных делах, рассматриваемых судами.

уки и техники³. Особая задача эксперта-экономиста – донести до суда принятые в экономической науке стандарты установления фактов, проверки гипотез, на основе которых, например, преодолевается или сохраняется презумпция невиновности (т. е. обвинительное решение регулятора признается незаконным).

Обратим внимание на то, что эксперт должен обладать специальными знаниями в различных областях науки. Профессиональность эксперта предполагает наличие знаний и навыков, полученных в ходе освоения профессии и, возможно, последующей научной деятельности в конкретной области науки. Подобная подготовка обладает ярко выраженным методологическим базисом и прочно связана с использованием полученных специальных знаний. При этом эксперт должен иметь опыт использования приобретенных знаний и навыков [9].

Кроме того, для соответствия указанным выше критериям эксперт должен обладать репутацией, которую можно было бы рассматривать как залог обеспечения объективности и независимости проводимого исследования. Вот почему, например, если эксперт имеет по проблематике экспертизы опубликованные работы в рецензируемых академических изданиях⁴, это можно было бы рассматривать как один из признаков наличия такого рода репутации наряду с опытом участия в подобных экспертизах в прошлом. Тем самым частично снимается проблема избыточных барьеров входа в сферу судебной экономической экспертизы.

³ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

⁴ Для экономистов речь идет в первую очередь о журналах, индексируемых в таких базах, как Scopus, Web of Science и RSCI, где применяется правило двойного слепого рецензирования, что обеспечивает дополнительную гарантию профессиональности исследования, результаты которого представлены на рассмотрение анонимным рецензентам.

С учетом существующей до настоящего времени презумпции *jura novit curia*⁵ и утвердившейся позиции судов, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом⁶, понимание профессиональных знаний охватывает в большей степени естественно-научные, технические и в принципе все знания, не относящиеся к юридической науке. Именно на таких знаниях и базируется решение суда, если в рамках судебного дела возникла необходимость в оценке обстоятельств, для исследования которых у суда нет соответствующих компетенций.

Таким образом, мы получаем четкую логическую связь цели судопроизводства (объективной истины) со средством ее достижения (применением специальных знаний в рамках экспертной деятельности в судопроизводстве). Однако сама по себе презумпция, обозначенная выше, еще не означает, что у судей есть четкое понимание того, где именно и в каких вопросах проходит демаркационная линия между правовым и экономическим. Особенно в свете вопросов, исследуемых такой научной дисциплиной, как экономический анализ права (*law&economics*) [5], в котором объект – право – совмещен с экономическим инструментарием, адаптированным под особенности указанного объекта.

И вот здесь мы вплотную подошли к ключевым вопросам, которые предполагается проанализировать в данной статье.

Рассматривая дела с антимонопольным компонентом, суды для установления объективной картины должны погрузиться в материю экономических знаний. Поскольку именно антимонопольное право⁷ представ-

ляется наиболее тесно переплетенным из всех отраслей права с экономикой, ее теоретическими и прикладными особенностями, а также новейшими изысканиями и теориями, требования к актуальности специальных экономических знаний, используемых при выработке судами решений, приобретают особую значимость. Вместе с тем именно экономическая наука относится к наиболее динамично меняющимся сферам знания. Многие из того, что было очевидно для экономистов 40-х и 50-х годов XX века, уже не вполне очевидно для экономистов в 2022 году. Еще 20 лет назад практически не было экономических исследований, посвященных цифровым платформам, многосторонним рынкам, косвенным сетевым внешним эффектам, полусговорам на платформах, алгоритмическому ценообразованию и т. п. А в настоящее время эти понятия не просто в моде, без них сложно представить исследования экономики в условиях цифровой трансформации⁸. С химией и физикой таких динамичных изменений, значимых для массовых случаев антимонопольного правоприменения, все же не случается.

Не менее существенное обстоятельство, на которое стоит обратить внимание носителям специальных правовых знаний, – сосуществование и параллельное развитие различных, порой противоречащих друг другу, экономических теорий, которые могут быть использованы для объяснения, предсказания одних и тех же явлений [12]. То, что одни экономисты интерпретируют как проявление монополизации, другие экономисты объясняют на основе аргументов обеспечения эффективности, устойчивости договорных отношений, снижения транзакционных издержек и в конечном счете роста выигрышей потребителей – важного критерия достижения целей антимонопольной политики [16]. В одном случае мнение экономистов может быть использовано для

⁵ Лат. «суд знает право».

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 №23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе».

⁷ Корректнее было бы именовать антимонопольное право отраслью законодательства, вместе с тем для упрощения будет использоваться данное общепотребимое словосочетание.

⁸ В качестве примера работы, посвященной анти-трасту применительно к платформам, см. [18; 20].

подтверждения позиции обвинения в нарушении требований антимонопольного законодательства, а в другом – для обоснования применения исключений, предусмотренных, например, ст. 13 Закона «О защите конкуренции».

Если мнение квалифицированных экспертов-экономистов получить не удастся, то в таком случае у суда остается несколько несовершенных заменителей для вынесения решения по делам, связанным с применением оценочных норм антимонопольного законодательства и требующих специальных экономических знаний: (1) поверить аргументам антимонопольного органа, если минимально соблюдены все юридические формальности даже без детального изучения экономической позиции, (2) оценить уровень квалификации специалистов, готовивших экономические заключения, включая уровень образования, опыт экспертиз, публикации в академических и профессиональных изданиях и т. д., (3) опросить непосредственно авторов экспертных заключений от одной (или обеих) стороны в судебном процессе.

В первом случае можно ограничиться, например, оценкой структуры аналитического отчета ФАС России на предмет соответствия требованиям нормативных правовых актов. Во втором случае мы имеем дело с чем-то похожим на «конкурс красоты», когда убедительность позиции оценивается в том числе по квалификационным признакам, включая репутацию экспертов, наличие у него ученых званий и степеней, профильных публикаций, сертификатов (неотъемлемая часть экономического экспертного заключения). Разумеется, этот фактор вряд ли когда-то бывает единственным, но сбрасывать его со счетов тоже некорректно. В последнем случае даже если одна экспертиза лучше удовлетворяет научным стандартам, она тем не менее может быть не воспринята судом потому, что ее авторам не удалось доступно объяснить суду свой подход и процесс получения результатов. В этом случае суд может подстраховаться, пригласив экспер-

та для разъяснения позиции сторон посредством адаптированного изложения научных результатов с минимальными искажениями⁹.

Итак, для правильного разрешения антимонопольного дела суду потребуется с помощью лиц, обладающих специальными знаниями, вникнуть в описание исследуемых экономических процессов, в обстоятельства и факторы, положенные в основу рассматриваемого дела [1, 17].

Суд, определяя перечень необходимых и достаточных обстоятельств для правильного разрешения им дела с помощью эксперта, ставит перед последним вопросы для исследования. Однако как определить, какой набор установленных экспертом фактов будет достаточен для разрешения спора, а какой необходим? Данный вопрос фактически отражает обозначенную выше проблему поиска баланса между ошибками первого и второго рода в правоприменении.

Частично ответ на данный вопрос дает нам Закон «О защите конкуренции»¹⁰, который, в частности, приводит перечень признаков ограничения конкуренции, определяет основные нарушения антимонопольного законодательства и условий согласования сделок экономической концентрации, а также Порядок проведения ФАС России анализа состояния конкуренции на товарном рынке¹¹, в котором определены используемые антимонопольными органами подходы для оценки характеристик товарных рынков и поведения на них хозяйствующих субъектов.

Почему данные нормативные акты способны только частично восполнить пробелы судов в экономических знаниях? Представ-

⁹ При переводе с профессионального на «повседневный» экономический язык неизбежны некоторые смысловые искажения, на что обращают внимание сами экономисты в связи с обсуждением проблемы взаимодействия с политиками. См., например, [11].

¹⁰ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

¹¹ Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке».

ляется, что дело в принципиальной невозможности юридической техникой охватить всю полноту и многоаспектность экономической науки, отображающей действительность посредством теоретических моделей и эмпирических оценок.

Привлечение специалиста в области экономической науки дает шанс на получение аргументированного ответа на вопрос, какая из известных экономических моделей (и, соответственно, конкурирующих «картин мира») наилучшим образом соответствует рассматриваемой судом ситуации, какие инструменты для эмпирической проверки гипотез, отображающих суть поставленных перед экспертом вопросов, наиболее применимы при заданном наборе доступных данных. Соответственно, именно эксперт может ответить на вопрос, какие данные релевантны для ответа на поставленные вопросы, с тем чтобы далее определиться, у кого и в какой форме их запрашивать.

Как в таком случае объяснить недооценку судами экономических аргументов или отказ от назначения экспертизы¹²? Все просто: есть соблюдение норм Закона «О защите конкуренции» и Порядка 220 по форме, значит основания для назначения судебной экономической экспертизы и переоценки выводов антимонопольного органа отсутствуют. На наш взгляд, такая практика подкрепляется стимулами судей (особенно первой инстанции), которые не располагают значительным бюджетом времени на рассмотрение конкретного дела и изготовление по нему мотивированного решения, хотя, как показывают эмпирические оценки, сама по

себе длительность рассмотрения дела в судах первой инстанции значимо не влияет на качество выносимого решения [10].

Таким образом, процедурность и соблюдение нормативных актов вполне могут подменять собственно экономические исследования. В этой связи не может не возникать вопрос об объективности и обоснованности таких судебных решений, которые выносятся по предмету, имеющему непосредственное отношение к экономическим материям, непосредственно воздействуют на них, меняя зачастую ландшафт рынка, коммерческие практики, но основываются исключительно на формальном применении норм права. Вот почему один из прикладных вопросов для экономических исследований – оценка экономических эффектов следования юридической процедуре как таковой, безотносительно релевантной экономической аргументации.

Стоит отметить, что здесь не идет речь об оценке судами дефектов доказательственной базы антимонопольных органов. Речь идет именно об оценке качества и глубины применения антимонопольными органами методов экономического анализа товарных рынков и поведения экономических агентов, т. е. тех самых методов, которые не охватываются (да и не могут быть охвачены) существующей нормативной базой и которые как раз и должны использоваться судом для вынесения объективного и обоснованного решения по делу. Например, известно, что для установления продуктовых и географических границ рынка основным методом является «тест гипотетического монополиста». Однако в Порядке 220 ничего не сказано о применении концепции критических потерь в продажах, чтобы этот метод был операциональным и можно было разрешить известную дилемму – какой масштаб переключения покупателей в случае повышения цены товара на 5–10% можно считать достаточным для завершения теста? И именно эта концепция, насколько нам известно, не используется антимонопольным органом в установлении значимых фактов, а суды не

¹² Мы ставим так вопросы не потому, что все суды во всех случаях, когда это необходимо, не назначают судебную экономическую экспертизу. Достаточно того, что в какой-то части релевантных дел такая практика имеет место, на что, собственно, обращает внимание Верховный Суд в своем постановлении от 04.03.2021 №2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами антимонопольного законодательства», напоминания в п. 56 о праве судов назначать судебную экономическую экспертизу.

дают должной оценки данному обстоятельству, хотя это может быть важно для принятия окончательного решения по делу.

Экономические знания vs. юридическая чистота правоприменения

Современная экономика, особенно последние 12–14 лет, характеризуется значительными изменениями – в обе стороны – конъюнктуры на товарных рынках, что находит отражение в описывающих и объясняющих эти явления экономических исследованиях. Так, сегодня ситуация на рынке характеризуется значительным ростом цен, что привлекает внимание антимонопольного органа [19]. Причем рост цены не объясняется ростом издержек (цена растет быстрее издержек), а покупатели не могут найти товар по прежней или даже более высокой цене и жалуются регулятору на недоступность товара. Разумеется, возникает сильное искушение утверждать, что компания устанавливает монопольно высокие цены, изымает товар из обращения и совершает иные, предусмотренные ст. 10 Закона «О защите конкуренции» правонарушения.

В этом случае простое соблюдение формальностей, предусмотренных Порядком 220, может стать основанием для принятия ошибочных решений в силу того, что оценка состояния конкуренции не учитывает важное обстоятельство – шоки со стороны спроса и/или предложения. Соответственно, обусловленные ими эффекты могут быть представлены как результаты действий компании, являющейся объектом правоприменения.

Стоит отметить, что для российских судов назначение именно судебных экспертиз по экономике в антимонопольных делах – скорее исключение, чем правило. В подавляющем большинстве случаев бизнесу в спорах с антимонопольными орга-

нами приходится прибегать к подготовке собственных экономических заключений у независимых экспертов и представлять их в суды в качестве обычных письменных доказательств, но не результатов именно судебных экспертиз.

При этом независимый эксперт, проводящий исследование рынка вне назначенной судебной экспертизы, лишен административного ресурса суда. А с учетом того, что для признания решения антимонопольного органа недействительным (незаконным) необходимо наличие одновременно двух обязательных условий – несоответствие данного решения закону и нарушение ими прав и охраняемых законом интересов заявителя¹³, сила заключения независимого экономиста как доказательства будет заведомо ниже, чем сила анализа антимонопольного органа, т. к. с формальной точки зрения анализ антимонопольного органа будет проведен в соответствии с нормами права, а заключение независимого экономиста – нет. Возможно, проблемы с такой асимметрией не было бы, если бы для всех исследуемых рынков была доступна – пусть даже на условиях оплаты – статистическая информация, на основе которой можно было бы делать выводы, в силу ее отсутствия или недостаточности основывающиеся на применении опросных методов. Назначение экономической судебной экспертизы, как уже было отмечено ранее, может исправить выявленную асимметричность и обеспечить необходимую для принятия обоснованного решения состоятельность сторон.

Обсуждаемый здесь вопрос оказывается еще более важным, если учесть, что применение норм антимонопольного законодательства в отношении хозяйствующих субъектов, контролирующих цифровые платформы и создающих собствен-

¹³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.12.2018 № Ф05-14688/2018 по делу № А40-100615/17.

ные экосистемы (такие как Сбер, VK, Яндекс, Apple и др.), будет предполагать применение опросных методов для определения границ рынков, поскольку релевантная статистическая информация отсутствует.

Таким образом, при соблюдении процессуальной чистоты «за бортом» могут оказаться экономические доказательства, которые только по форме не укладываются в требования Порядка 220, но по своей сути намного превосходят подходы, юридически оформленные в Порядке 220¹⁴.

Но даже в ситуации, когда суд все же решает разобраться в предмете дела не формально, исходя не только из требований норм права, но и из экономической природы и сути рассматриваемых отношений, он оказывается вынужден лишь принимать на веру выводы независимых экспертов, заключение которых представило в суд лицо, оспаривающее решение антимонопольного органа¹⁵.

Особо примечательными в этой связи являются ситуации, в которых нижестоящий суд для целей глубокого изучения обстоятельств дела назначает экономическую судебную экспертизу, а суд следующей инстанции отменяет судебный акт нижестоящего суда и отправляет дело на новое рассмотрение только по причине отсутствия достаточного обоснования назначения экономической экспертизы, хотя она имела непосредственное отношение к предмету рассматриваемого дела¹⁶. При этом и в ситуациях, когда заявителям изначально отказывают в назначении экс-

пертизы, и в ситуациях, когда назначение экспертизы нижестоящим судом является основанием для отмены судебного акта вышестоящим судом, используется один аргумент: каких-либо специальных познаний для проверки на предмет соответствия ненормативных правовых актов действующему законодательству и правовой оценки представленных в деле доказательств суду не требуются¹⁷. Тем самым выхолащивается одна из фундаментальных характеристик антимонопольного законодательства, являющегося средоточием оценочных норм, применение которых требует специальных познаний в области экономической науки. А по сути же одновременно происходит обесценивание значимости научных экономических знаний, применимых или примененных для построения доказательств по делу.

К чему приводит такая позиция судов? В ходе производства по делу об оспаривании решений антимонопольных органов именно на эти органы возлагается обязанность доказать законность и обоснованность принятого решения. Однако доказывание законности и обоснованности в конечном итоге сводится к формальному представлению суду подтверждения соблюдения нормативов Порядка 220. *«Антимонопольный орган допустил нарушения Порядка 220, в результате чего неверно установил географические границы товарного рынка, неправоммерно объединил два отдельных товарных рынка в один, ошибочно исключил из состава участников товарного рынка перепродавцов и неверно определил барьеры входа на товарный рынок»*¹⁸ – именно в подобных формулировках суды констатируют допущенные антимонопольным органом нарушения, влекущие отмену их актов.

¹⁴ Например, в данной работе рассматриваются пока не применяемые в России версии теста гипотетического монополиста для двусторонних рынков – см. [25].

¹⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.11.2018 № 09АП-50640/2018 по делу № А40-91633/18.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.07.2021 № Ф05-381/2020 по делу № А40-160799/2019.

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 15.10.2018 № 302-КГ18-15550 по делу № А19-4414/2017.

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 № Ф05-10353/2019 по делу № А40-85018/2018.

Обратим внимание на то, что установление фактических обстоятельств антимонопольными органами ставится в зависимость от соблюдения именно норм Порядка 220. Для объяснения такой позиции в указанном примере было бы более логично указать, какие именно экономические аргументы сработали, с точки зрения суда, в пользу принятого им решения, а какие оказались недостаточно сильными.

При этом если нарушения Порядка 220 формально отсутствуют, то уже сам заявитель оказывается не представившим доказательства использования антимонопольным органом в аналитическом отчете сведений, являющихся недостоверными или неполными, или наличия иных обстоятельств, не учтенных антимонопольным органом, влияющих на правильность проведенного исследования¹⁹. Подобный вывод суда означает де-факто наличие в делах об оспаривании актов антимонопольного органа презумпции виновности, когда сам заявитель вынужден доказывать, что антимонопольный орган не сделал все от него зависящее, дабы разобраться в глубинных предпосылках и обстоятельствах, сложившихся на товарном рынке отношений. У суда при этом нет оснований не доверять выводам антимонопольного органа²⁰, а задача справедливого судебного разбирательства в целях достижения объективной истины обесценивается.

Интересно и то, что в своих последних разъяснениях, посвященных вопросам применения антимонопольного законодательства, Верховный Суд указал, что, рассматривая дело об оспаривании актов антимонопольных органов, арбитражный суд проверяет законность соответствующего акта на основании доказательств, собранных

и раскрытых в ходе производства по делу о нарушении антимонопольного законодательства²¹.

Таким образом, лицо, в отношении которого вынесен акт антимонопольного органа, оказывается ограничено в сборе доказательств исключительно рамками антимонопольного дела (т. е. рамками административной процедуры, которая далеко не всегда является состязательной, что приводит к весьма примечательным последствиям для стимулов компаний в части представления значимой информации в рамках административного рассмотрения²²), а процессуальная чистота судебного процесса по антимонопольным делам становится практически абсолютной, но вместе с тем почти полностью теряет подвижность.

Однако именно гибкость, подвижность и способность нюансировать отличает судебную власть от власти исполнительной. Судья, рассматривая дело, должен руководствоваться не только нормами права, но и фактическими обстоятельствами, оценивая их по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Именно так можно избежать воспроизводства широко распространенной в разных юрисдикциях «негостеприимной традиции» в антитрасте, которая характеризуется предвзятым отношением к коммерческой практике компаний [4, 7]. Каким же образом может формироваться это внутреннее убеждение суда в том или ином обстоятельстве, факте или акценте в существующих отношениях на товарном рынке между экономическими агентами?

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 08.04.2015 № 308-КГ15-2990 по делу № А53-2104/2014.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.10.2019 № Ф05-15869/2019 по делу № А40-304408/2018.

²¹ См. п. 56 постановления Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами антимонопольного законодательства».

²² Речь идет о позднем представлении доказательств по антимонопольному делу – см. [14].

Сравнивая практику рассмотрения российских арбитражными судами экономических споров, особенно касающихся антимонопольного права, с аналогичной практикой рассмотрения дел в США, невольно приходишь к выводу, что американские суды, рассматривая дела с антимонопольным компонентом, исходят как раз в первую очередь из фактической картины на рынке и экономических закономерностей, а уже затем используют нормы права, но только как технический инструмент, но ни в коем случае как исходный базис для всего дела.

Не претендуя на полноту сравнительного анализа, а лишь в качестве примера приведем дело Apple и крупнейших в США издательств Penguin, Hachette, Harper Collins, Simon & Schuster и Macmillan. Коллегия Апелляционного суда Соединенных Штатов по второму округу в Нью-Йорке установила, что условия, предложенные Apple пяти книжным издателям, позволили им участвовать в картеле по установлению цен [26]. Для того чтобы поднять цены на электронные книги и вытеснить Amazon с рынка, компания Apple творчески подошла к решению задачи, скоординировав между собой книгоиздателей (под руководством Apple), чтобы заставить Amazon отказаться от своего пропотребительского ценообразования. В результате предложенная «агентская модель» сотрудничества привела к завышению цен на книги в сервисе iBookstore в общей сложности на 2–3 доллара. Сомнений нет, роль Apple очевидна [15].

Но в описанном примере интересны не столько итоговые выводы американских судей, а то, как они пришли к ним. На 159 страницах решения разворачивается не сухой юридический текст, а целый роман, где есть и дискуссия судей, и рассуждения о соотношении принципов *per se* (нарушение согласно букве закона), *rule of reason* (правило взвешенного подхода) и *quick look* (беглый взгляд), и оценка экономической обоснованности действий компании Apple «от противного» через сравнение трех аль-

тернативных стратегий выхода компании Apple на рынок.

Для понимания глубины оценки фактических обстоятельств дела приведем слова из особого мнения судьи Денниса Джейкобса о проконкурентном влиянии: «*Влияние, возникшее на основании обвинения районного суда [нижестоящего суда. – Прим. авт.] в правонарушении per se, испортило весь последующий анализ. Когда-то было сочтено, что Apple присоединилась к соглашению, которое было незаконным само по себе, его цель, мотив и поведение, по-видимому, не требовали (и не получили) дополнительной проверки – юридической, моральной или экономической. Подтвердив ответственность Apple per se, объединив горизонтальную плоскость конкуренции среди издателей с горизонтальной плоскостью конкуренции среди розничных торговцев, районный суд допустил ту же ошибку в своем анализе обоснованности. Таким образом, районный суд переоценил антиконкурентный характер вертикальных сделок Apple и упускает из виду проконкурентное влияние на розничную конкуренцию – горизонтальная плоскость, на которой Apple занимается бизнесом электронных книг... Apple нарушила монополию Amazon, децентрализовала розничный рынок электронных книг, добавила платформу для чтения электронных книг и устранила препятствия для входа на рынок другими. А снятие барьера для входа уменьшает на долгий срок уязвимость рынка к монополизации. Эти эффекты звучат в основных целях антимонопольного законодательства. Даже если бы в этом случае был уместен только быстрый анализ, эти эффекты оправдали бы поведение Apple».*

Таким образом, картель был противопоставлен монополии, а логика судьи вышла за пределы формального принципа *per se*, поскольку была направлена на оценку позитивных эффектов для экономики от действий компании Apple.

Трудно себе представить реализуемость такого по аналогичным делам в российских

судах²³. И дело здесь вовсе не в различиях правовых систем, как нам могли бы возразить. Глубина исследования антимонопольных дел американскими судами не является следствием принадлежности англо-саксонской правовой семье, равно как и большой формализм и ориентация именно на нормы права российских судов – следствием принадлежности романо-германской правовой семье. Само по себе комплексное толкование норм российского антимонопольного и процессуального права не препятствует российским судам погружаться в фактическую сторону отношений между экономическими агентами и понимать именно экономические аспекты функционирования товарных рынков. Вместе с тем эмпирические исследования показывают, что глубина экономического анализа, проводимого антимонопольным ведомством, зависит от того, чего ждет от него суд. Однако на базе эмпирического анализа российских антимонопольных дел выявлен эффект ограничений в применении инструментов экономического анализа, так как это повышает дискуссионность аргументов [23]. В этой связи стоит отметить эмпирически фиксируемую тенденцию в российской правоприменительной (в том числе судебной) практике к упрощению применяемой экономической аргументации, один из вариантов которого – следование формальным требованиям нормативных правовых актов.

Вместо заключения: что необходимо и чего достаточно суду?

Категории необходимого и достаточного условия широко применяются в математической логике. Если переложить ее на язык ан-

²³ В целом, данный тезис соответствует результатам эмпирического анализа, в рамках которого показано, что уровень экономического анализа в российских антимонопольных делах (по шкале *per se* – effect based) ниже, чем в европейских [22].

тимонопольного правоприменения, то можно эти две категории упрощенно проиллюстрировать так:

- суждение: «Компания X устанавливает монополю высокую цену на свою продукцию»;
- необходимое условие: «Компания X – монополист²⁴»;
- достаточное условие: «Установленная Компанией X цена не может быть обоснована ни затратным методом, ни методом сопоставимых рынков, ни биржевыми показателями».

При этом каждая дефиниция из обоих условий также должна подлежать осмыслению через категории необходимого и достаточного. Суждение о том, является ли компания монополистом, требует в качестве необходимого условия наличие у компании определенной доли на товарном рынке, а в качестве достаточного – наличие у такой компании рыночной власти и способности в одностороннем порядке влиять на обращение товара и баланс спроса и предложения. Понятие рыночной власти также может быть деконструировано на составляющие и проанализировано. И так по нисходящей, понятие за понятием, признак за признаком, раскрывается во всех своих нюансах экономическая подоплека каждой из рассматриваемой судами ситуации.

По мнению авторов исследования, пошедшая по этому пути правоприменительная практика и множество вынесенных судебных актов, являющихся результатом ответа на вопросы о необходимом и достаточном в исследовании экономических доказательств, позволят сформировать представление о качестве институтов, которые влияют на результаты предпринимательской деятельности, экономического развития и роста общественного благосостояния.

²⁴ Для упрощения тут подразумеваются компании, не являющиеся монополистами, но занимающие доминирующее положение на товарном рынке.

Список литературы

1. Антимонопольная политика на связанных рынках: теория и практика / под ред. С. Б. Авдашевой, А. Е. Шаститко. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 440 с.
2. Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография. – СПб.: Юридическая книга, 2009. – 831 с.
3. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – М.: РГУП, 2018. – 274 с.
4. Конкуренция и конкурентная политика: на стыке будущего и прошлого / под ред. А. Е. Шаститко. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 70 с.
5. Меркуро Н., Медема С. Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019. – 646 с.
6. Мурадян Э. М. Гражданское правосудие и его итог. – М.: Международный университет в Москве, 2013. – 602 с.
7. Павлова Н. С., Шаститко А. Е. Эффекты «негостеприимной традиции» в антитрасте: деятельное раскаяние против соглашения о кооперации? // Вопросы экономики. 2014. №3. С. 62–85.
8. Роббинс Л. Предмет экономической науки // Альманах THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 10–23.
9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 576 с.
10. Сидорова Е. Е., Голованова С. В., Авдашева С. Б. Как измерить качество судебных решений? Кейс арбитражных судов // Прикладная эконометрика. 2019. №2 (54). С. 126–143. DOI: 10.24411/2076-4766-2017-10007.
11. Тироль Ж. Экономист в общественной жизни // Вопросы экономики. 2017. №8. С. 42–55.
12. Тутов Л. А., Шаститко А. Е. Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору // Вопросы экономики. 2021. №4. С. 96–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-96-115.
13. Шаститко А. Е. Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении. – М.: Издательский дом «Дело», 2013. – 148 с.
14. Шаститко А. Е., Авдашева С. Б. Depreciating evidence in administrative adjudication: Rules on the sequence to present evidences // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019. Т. 34. №4. С. 496–510. DOI: 10.21638/spbu05.2018.4.01.
15. Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Реалистичность модели индивидуального выбора имеет значение: о наказании за картель // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. Т. 13. №2 (40). С. 7–25. DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-2-7-25.
16. Шаститко А. Е., Павлова Н. С. Широкие перспективы и овраги конкурентной политики // Экономическая политика. 2018. №5. С. 110–133. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-5-110-133.
17. Экономический анализ в применении норм антимонопольного законодательства / под ред. Н. С. Павловой. – М.: МАКС Пресс. – 216 с.
18. Avdasheva S. B., Korneeva D. V. Does competition enforcement prevent competitive strategies of digital platforms: evidence from BRICS // Russian Management Journal. 2019. Vol. 17. No. 4. P. 547–568. DOI: 10.21638/spbu18.2019.408.
19. Avdasheva S. B., Korneeva D. V. Enforcement against excessive pricing in the Russian Federation. – In book: Excessive Pricing and Competition Law Enforcement. Switzerland: Springer, 2018. Ch. 8. P. 189–210. DOI: 10.1007/978-3-319-92831-9_8.
20. Golovanova S., Ribeiro E. Multisided platform analysis and competition law enforcement practice in Brics countries // Journal of Competition Law & Economics, 2021. Nhab027. DOI: 10.1093/joclec/nhab027.
21. Gravelle H., Garoupa N. Optimal deterrence with legal defence expenditures // Economic Inquiry. 2002. Vol. 40. No. 3. P. 366–379. DOI: 10.1093/ei/40.3.366.
22. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Benetatou K., Golovanova S., Makri G. Comparing the role of economics/effects-based in antitrust enforcement and its relation to the judicial review in the EC to other countries // Journal of European Competition Law and Practice. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 122–142. DOI: 10.1093/jeclap/lpab003.
23. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. Determinants of the (slow) development of effect-based competition enforcement: testing the impact of judicial review on the choice of legal standards by competition authorities // Journal of Industry, Competition and Trade. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 103–122. DOI: 10.1007/s10842-020-00342-4.
24. Polinsky A. M., Shavell S. The economic theory of public enforcement law // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. P. 45–76. DOI: 10.2139/ssrn.93709.

25. *Ribeiro E. P., Golovanova S.* A unified presentation of competition analysis in two-sided markets // *Journal of Economic Surveys*. 2020. Vol. 34. No. 3. P. 548–571. DOI: 10.1111/joes.12362.
26. United States court of Appeals for the second circuit. Nos. 13-3741-cv, 13-3748-cv, 13-3783-cv, 13-3857-cv, 13-3864-cv, 13-3867-cv (2d Cir. 2015) // *Justia*. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/13-3741/13-3741-2015-06-30.html> (дата обращения: 22.03.2022).

Сведения об авторах

Шаститко Андрей Евгеньевич, ORCID 0000-0002-6713-069X, докт. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ имени М. В. Ломоносова; директор Центра исследования конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, aes@ranepa.ru

Дозмаров Кирилл Валерьевич, ORCID 0000-0003-4183-5218, адвокат, магистр экономики, партнер Консалтинговой компании Kulik & Partners Law.Economics, Москва, Россия, k.dozmarov@kple.ru

Поддержка исследований

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Статья поступила 27.12.2021, рассмотрена 13.01.2022, принята 17.02.2022

References

1. *Antimonopol'naya politika na svyazannyh rynkakh: teoriya i praktika* [Antimonopoly policy in related markets: theory and practice]. Ed. by S. B. Avdasheva, A. E. Shastitko. Moscow, *Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS Publ.*, 2018, 440 p.
2. Bonner A. T. *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe: monografiya* [Problems of establishing the truth in civil proceedings: monograph]. St. Petersburg, *Yuridicheskaya kniga Publ.*, 2009, 831 p.
3. Ershov V. V. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij: monografiya* [Legal and individual regulation of public relations: monograph]. Moscow, *RGUP Publ.*, 2018, 274 p.
4. *Konkurenciya i konkurentnaya politika: na styke budushchego i proshlogo* [Competition and competition policy: at the intersection of the future and the past]. Ed. by A. E. Shastitko. Moscow, *Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS Publ.*, 2019, 70 p.
5. Merкуро N., Medema S. *Ekonomicheskaya teoriya i pravo: ot Poznera k postmodernizmu i dalee* [Economic theory and law: From Posner to postmodernism and beyond]. Moscow, *Izdatel'stvo Instituta Gajdara Publ.*, 2019, 646 p.
6. Murad'yan E. M. *Grazhdanskoe pravosudie i ego itog* [Civil justice and its outcome]. Moscow, Moscow International University, 2013, 602 p.
7. Pavlova N. S., Shastitko A. E. Effects of hostile tradition in antitrust: active repentance versus cooperation agreements? *Voprosy ekonomiki*, 2014, no.3, pp.62-85.
8. Robbins L. *Predmet ekonomicheskoy nauki* [Subject of economic science]. *Al'manah THESIS*, 1993, no.1, pp.10-23.
9. Rossinskaya E. R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe: monografiya* [Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph]. 4th ed., rev. and add. Moscow, *Norma, INFRA-M Publ.*, 2018, 576 p.
10. Sidorova E. E., Golovanova S. V., Avdasheva S. B. How to measure the quality of court decisions? A case of commercial courts. *Prikladnaya ekonometrika=Applied Econometrics*, 2019, no.2(54), pp.126-143 (in Russian). DOI: 10.24411/2076-4766-2017-10007.
11. Tirol' Zh. An economist in the public space. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no.8, pp.42-55 (in Russian).
12. Tutov L. A., Shastitko A. E. Metalanguage within disciplinary discourse for scientific research programs: invitation to a debate. *Voprosy ekonomiki*, 2021, no.4, pp.96-115 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-96-115.
13. Shastitko A. E. *Ekonomicheskie efekty oshibok v pravoprimerenii i pravoustanovlenii* [Economic effects of errors in law enforcement and establishment]. Moscow, *Izdatel'skij dom «Delo» Publ.*, 2013, 148 p.
14. Shastitko A. E., Avdasheva S. B. Depreciating evidence in administrative adjudication: Rules on the sequence to present evidences. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika=St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2019, vol.34, no.4, pp.496-510 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu05.2018.401.

15. Shastitko A. E., Dozmarov K. V. Realisticity of individual choice model does matter: on cartel prosecution. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal*=Scientific research of faculty of economics. Electronic journal, 2021, vol.13, no.2(40), pp.7-25 (in Russian). DOI: 10.38050/2078-3809-2021-13-2-7-25.
16. Shastitko A. E., Pavlova N. S. Wide prospects and ravines of competition policy. *Ekonomicheskaya politika*=Economic Policy, 2018, no.5, pp.110-133 (in Russian). DOI: 10.18288/1994-5124-2018-5-110-133.
17. *Ekonomicheskij analiz v primenenii norm antimonopol'nogo zakonodatel'stva* [Economic analysis in the application of antitrust laws]. Ed. by. N. S. Pavlova. Moscow, MAKS Press Publ., 216 p.
18. Avdasheva S. B., Korneeva D. V. Does competition enforcement prevent competitive strategies of digital platforms: evidence from BRICS. *Russian Management Journal*, 2019, vol.17, no.4, pp.547-568. DOI: 10.21638/spbu18.2019.408.
19. Avdasheva S. B., Korneeva D. V. Enforcement against excessive pricing in the Russian Federation. In book: *Excessive Pricing and Competition Law Enforcement*. Switzerland, Springer, 2018, ch.8, pp.189-210. DOI: 10.1007/978-3-319-92831-9_8.
20. Golovanova S., Ribeiro E. Multisided platform analysis and competition law enforcement practice in Brics countries. *Journal of Competition Law & Economics*, 2021, nhab027. DOI: 10.1093/joclec/nhab027.
21. Gravelle H., Garoupa N. Optimal deterrence with legal defence expenditures. *Economic Inquiry*, 2002, vol.40, no.3, pp.366-379. DOI: 10.1093/ei/40.3.366.
22. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Benetatou K., Golovanova S., Makri G. Comparing the role of economics/effects-based in antitrust enforcement and its relation to the judicial review in the EC to other countries. *Journal of European Competition Law and Practice*, 2021, vol.12, no.2, pp.122-142. DOI: 10.1093/jeclap/lpab003.
23. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. Determinants of the (slow) development of effect-based competition enforcement: testing the impact of judicial review on the choice of legal standards by competition authorities. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 2021, vol.21, no.1, pp.103-122. DOI: 10.1007/s10842-020-00342-4.
24. Polinsky A. M., Shavell S. The economic theory of public enforcement law. *Journal of Economic Literature*, 2000, vol.38, pp.45-76. DOI: 10.2139/ssrn.93709.
25. Ribeiro E. P., Golovanova S. A unified presentation of competition analysis in two-sided markets. *Journal of Economic Surveys*, 2020, vol.34, no.3, pp.548-571. DOI: 10.1111/joes.12362.
26. United States court of Appeals for the second circuit. Nos. 13-3741-cv, 13-3748-cv, 13-3783-cv, 13-3857-cv, 13-3864-cv, 13-3867-cv (2d Cir. 2015). Justia. Available at: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/13-3741/13-3741-2015-06-30.html> (accessed 22.03.2022).

About the authors

Andrei E. Shastitko, ORCID 0000-0002-6713-069X, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Competition and Industrial Policy Department, Lomonosov Moscow State University; Director of the Center for Competition and Economic Regulation Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, aes@ranepa.ru

Kirill V. Dozmarov, ORCID 0000-0003-4183-5218, Advocate, Master of Economic, Partner of Consulting Company Kulik & Partners Law.Economics, Moscow, Russia, k.dozmarov@kple.ru

Acknowledgements

The article was prepared as part of the implementation of the research work of the state task of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Received 27.12.2021, reviewed 13.01.2022, accepted 17.02.2022